

Инд 8978 иХ

338
С59
x

3301
С59

Л. П. СОКАЛЬСКИЙ.

У ПОДНОЖЬЯ АГРОНОМИЧЕСКАГО ПЕРЕВАЛА.

1940 г. Инв. № 5302

Разгромъ южно-русскаго скотоводства зерновымъ экспортомъ
И ЗНАЧЕНІЕ ЕГО
въ агрономическомъ переломѣ нашихъ хозяйствъ.

Изъ „Записокъ“ Императорскаго Общества сельскаго хозяйства южной Россіи за 1905 г.

Инд. 122

Б Б ПЕРЕВІРСЬКА
1938 р.

2

ПЕРЕВІРСЬКА ОДЕССА.

„Славянская“ типографія Е. Хрисоголосъ, Позацейская ул., Одесса.

1905.

ОБЩЕСТВО СЪЕДИНЕНІЙ
СЛАВЯНОСЛАВЯНСКА
БІБЛІОТЕКА

Оглавление.

Стр.

Предисловие.

I. Что раскрывают в деревенской жизни неурожаи. Отсутствие запасов. Нормальное содержание скота: «абы не здохло». Падеж при недородах. Особенности в развитии соотношений кормовой и продовольственной площади в Новороссии за 1850-1900 гг. Ожесточенная борьба угодий.

5

II. Борьба угодий в земледельческой истории Западной Европы. Характер переходных эпох

14

III. Причины быстрого наступления критического Моментa в борьбе угодий на юге России по сравнению с З. Европой. Истощимость наших почв. Разрушение физических свойств степных почв. Высыхание степи. Исчезновение чернозема. Аналогия между исторической ролью навозного удобрения в Западной Европе и исторической ролью залежей в степных областях

20

IV. Прогрессивная убыль скота в хозяйствах. Таблицы. Вытеснение человеком домашних животных. Борьба между земледельцами и скотом составляет основной момент земледельческой истории народов. Решительная битва между ними в Новороссии произошла в 80-ые годы минувшего века. Момент равенства животного и людского населения оказывается роковым для животных

26

V. Влияние на современное обострение борьбы угодий товарного производства, условий землевладения и капиталистического хозяйства. Отсутствие сельскохозяйственных продуктов в деревнях. Высасывающее действие рынка. Искусственное понижение «туземной емкости» территории и расширение «экспортной емкости»

35

VI. Какими путями З. Европа облегчила борьбу угодий, возстановив некоторое равновесие кормовой и продовольственной площади

40

Итоги. Необходимость сокращения вывоза.

Угрожающие признаки возможного экспорта продуктов стол горячо рекомендуемого травосеяния

44

Характер мер, могущих облегчить переход к новым формам хозяйства для смягчения острой коллизии сельско-хозяйственных угодий и достижения *minimum'a* хозяйственного благополучия населением

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая статья была составлена задолго до того, как аграрные недоразумения, всегда существовавшие в нашей стране, приняли почти повсеместно, а особенно на юге России, острую, резкую форму. Рассмотрение ноземельных отношений не входило в задачу статьи, и значение их в агрономическом строе лишь отмечено в соответствующем месте. В этих строках мне хотелось бы вкратце указать на отношение современного агрономического строя деревни к вопросам, возникающим при рассмотрении современного аграрного движения, далеко неясного и весьма запутанного в наших условиях.

До последнего времени определилось два крайних течения в сложном вопросе о решении аграрных затруднений. Первое течение носит характер исключительно экономического и выставляет малоземелье, как главенствующую причину аграрных неурядиц. Второе течение видит облегчение современного положения в интенсификации хозяйств.

В настоящем очерке я стремился защищать положение, которое вкратце можно резюмировать следующим образом: обеднение земледельческой массы в настоящее время вызвано обострением борьбы между продовольственной и кормовой площадью; обострение явилось, как результат современных условий землевладения, роста населения, и отягощено необходимостью распродавать в кратчайший срок всякие продукты сельского хозяйства по каким-бы то ни было ценам вследствие усиленного извлечения и централизации государственных доходов обратного поступления их на нужды деревень, а также по причине огромной внешней задолженности; распродажа по низким ценам и обеднение вызывает усиленную распашку полей, которую агрономическими мерами остановить нельзя; это порождает не столько неурожаи, сколько низкие урожаи и громить скотоводство, представляющее в настоящий момент единственный запасный капитал населения; таким образом, уничтожаются запасы, и неурожаи естественно приводят к голодовкам; первичное объединение влечет вторичное и т. д. до полной нищеты.

II

Исходя из этих положений и следуя исключительно агрономической точки зрения, мне кажется очевидным, что одно дополнительное наделение землей на местах (без коренного решения вопроса о частной собственности вообще) не может вывести земледельческую массу из тупика, в который она попала, т. к. и без того все, что можно, распахано, и находится — в подавляющей массе своей — в пользовании (собственном и арендном) земледельческого населения. Во всяком случае, при местном наделении землей, без изменения нынешнего общественного строя и внутренней политики, агрономические противоречия не будут устранены, останутся плохие урожаи, низкие убыточные цены, распродажа, коллизия угодий, дальнейшее сокращение скота, и след., увеличение зажиточности населения останется гадательным.

Облегчение же аграрных затруднений в нашей обстановке зависит в равной степени как от реформы, поземельных отношений, так и от реформ общей внутренней жизни, которые обуславливают настоятельно необходимый переход к новой, интенсивной системе хозяйства. Наделение землей является лишь неременной подсобной мерой к таковому переходу. В этой области преимущественно надо искать смягчения в настоящее время нашего аграрного вопроса. Успешность перехода к новому агрономическому строю, который обеспечил-бы продовольственное дело страны, опирается только на ряд освободительных преобразований.

Развитию этой точки зрения и посвящена статья.

Л. П. Сокальский.

Разгром южно-русского скотоводства зерновым экспортом и значение его в агрономическом переломе наших хозяйств.

I.

Население нашего крайнего юга — Херсонской и Бессарабской губерний — вновь переживает затруднения как в продовольственном отношении, так и, главным образом, в кормовом. Недостаток кормов для скота достигал местами крайних пределов — скот падал. На протяжении всего лишь двенадцать лет, от 1892 года до 1904 года, бедствие этого рода посещает нас четвертый раз. В предшествующее десятилетие, 1880—1891 г.г., было четыре крупных недорода, причем два — 1882 и 1889 годы выделялись своими бедственными размерами. Повидимому, население давят тяжкими тисками какие-то условия, которые оно тщетно силится преодолеть. Но работа его остается бесплодной. Дело заключается не в стихийном бедствии — засухе, а в том, что при малейшем «недоразумении в природе», население испытывает, подчас острую, нужду в кормах и собственном продовольствии.

В печати и речах общественных деятелей приводилось по этому поводу встречать мнение о том, что уроки прошлого должны были пойти населению в прок, и предшествовавшие урожай (напр., обильный урожай 1903 года) должны были-бы, таким образом, отразиться на росте его современных запасов. Обманчивые надежды! Определение нашего сельско-хозяйственного неустройства именно и сводится к хроническому отсутствию запасов: это не причина, а существенный признак общего недомогания сельского хозяйства. Мнение о возможности роста запасов в современной деревне не считается с последовательными, неизбежными моментами сельско-хозяйственной истории деревни. Мы стоим теперь у подножия труднейшего, исторически возникшего, агрономического перевала. Следует принять в соображение, что этот перелом в агрономическом строе — ликвидация залежной системы и беспорядочных посевов — отягощен у нас обстоятельствами, неизвестными тем странам, где этот перелом произошел ранее. Эти обстоятельства — настоятельная необходимость вывоза хлеба и других продуктов деревни, вовлечение ее в мировые обороты торговли и ряд

сопутствующих этому явлений. Вывоз хлеба из России превышает 20 % урожая, тогда как в Соединенных Штатах С. А. вывоз в среднем не более 8 % урожая, и на каждого жителя остаются по крайней мере в 2 раза больше, чем в России. Будто уроки прошлого могут задержать эту неизбежную распродажу всякого урожая! Значение и влияние этого факта в ряду обстоятельств, тормозящих переход земледелия к новым системам, не оценивается в полной мере.

Каким образом это отражается на деревне, в ее настоящих хозяйственных условиях, дает ясное представление обстановка хозяйства и положение вещей в деревенской жизни при неурожае. Картины неурожая текущего года напоминают во всем, таковыя-же предыдущих лет. Прежде всего и хуже всего недород, как и всегда, отзывается на скоте. Пастбища, скудные сами по себе и в урожайные годы, ибо под выпас нашим деревням и отводятся самые негодные, самые неудобные участки, в минувшем году уже к концу апреля и в начале мая окончательно выгорели и представляли совершенно голую, вытопанную, выжженную, серую поверхность. Люди бродили вдоль меж, по канавам, по огородам и по посевам, и собирали руками разная сорная травы и молодые побеги деревянистого полукустарника лации и скармливали скоту. Мешок собранной таким образом травы продавался по 40 - 50 коп. Скоро изсяк и этот источник корма. Скот стали кормить старой соломой уже с мая. К этому времени стало выясняться, что хлеба пропали и нечего от них ждать — посевы стали выпасать и косить на корм. Ожидаемая отава на полях не взошла. Исхудавший от безкормицы скот непрерывной вереницей гнали на базары, где и продавали за безценок. Однако, спроса не было. Другие стали резать скот на мясо: сами питались — «все равно издох-бы» — и на сторону продавали. В урожайные годы население не ест мяса, к этой роскоши оно вынуждено прибегать только в годы, когда скоту грозит падеж. Особенно плохо пришлось овцам. Молодой приплод погибал массами.

Это отчаянное положение животных в бедственные годы рисуют все сообщения из пострадавших местностей.

«Везде бросается в глаза полное отсутствие естественных выпасов, несчастная стада рогатого скота бродят по пространствам, на которых едва-ли могли-бы и овцы розыскать себе какой-нибудь корм. Солома и полова дороги до невозможности. Крестьяне за недостатком кормов продают свой скот на мясо, которое стало замечательно дешево. По селам, где прежде нельзя было достать говядины, теперь самый лучший сорт ее продается по шесть копеек фунт». (Извест. Елисаветгр.

общ. сел. хоз. № 20, 1904 г.).

«Кормов для скота едва хватит на два месяца, — выясняется по Одесскому уезду — запасы соломы истощены, благодаря тому, что весной подкармливали скот, не находивший пищи на выгонах и толоках. В Приднестровьи и тех местностях, где есть плавни, некоторым подспорьем будет служить камыш, который косится на корм. Крестьяне вследствие трудности прокормления скота стали усиленно сбывать его по очень низким ценам» («Од. Лис» № 209 за 1904 г.).

Во всем Аккерманском и в двух соседних уездах: Бендерском и Измаильском, хлеба выгорели, трав абсолютно нет, скот и лошади кормятся дома соломой и страшно исхудали; овцы падают массами, и при вскрытии в их желудках находят только землю». («О. Л.» № 152). «На лугу, что на столбовой дороге, и признака нет какой-бы то ни было растительности. Скот голодает и падает. По дорогам то и дело встречаются белые скелеты павшаго скота. Особенно плохо приходится овцам. Барашки в стадах дохнут сотнями». («О. Л.» № 168).

А вот вопль отчаяния:

«Что-то ужасное, невероятное переживает Аккерманский и смежные с ним Измаильский и Бендерский уезды (т. е. весь юг Бессарабии). Год этот долго будет памятен населению всей южной Бессарабии. Один неурожай хлебов был-бы в пол беды, так как кое-какой хлеб, а также общественное продовольствие отчасти скрасили-бы нужду населения, но полное отсутствие трав на пастбищах и малые запасы кормов для скота привели к тому, что в течение лета население лишилось десятков, даже сотен тысяч голов скота. Все базары в эти месяцы в южной Бессарабии были почти исключительно «скотскими». Через Маяки и другие пункты непрерывно перегонялись и продолжали перегоняться гурты для отправки в Крым и урожайные местности. Скот продолжает продаваться необычайно дешево. Так, корова с теленком продается за 5—6 руб. пара лошадей 15 — 20 руб., пара хороших, сильных волов 40—50 руб., плоховатых 12—18 руб. и, не смотря на такую цену, покупателей нет, а продавцов много, так как каждый житель старается сбить последнюю телушку, чтобы не издохла она с голода. Падеж скота порядочный, особенно сильный на овцы, которые дохли от голода и оспы сотнями». («О. Л.» 22 авг, № 217).

Совершенно аналогичные явления наблюдались и в прежние годы недородов. Так, 13 лет тому назад положение дел в неурожайных местностях юга отмечалось следующим образом:

«Во многих волостях и деревнях летом 1891 года не оказалось

никаких запасов почти все спешили сбыть скот за невозможностью прозимовать его, вследствие отсутствия кормов... Из Ананьевского уезда сообщали в августе, что скот голодает... В Одесском и Херсонском уездах скот сбывался за безценок... Подводя итоги ущербам, нанесенным неурожаем 1891 г., нельзя не сказать, что прежде всего он отразился на крестьянском скотоводстве. Уже осенью крестьянское скотоводство уменьшилось в губернии на 32.045 голов. Но эта цифра не дает истинного представления об ущербе, понесенном крестьянами... Некоторые данные свидетельствуют о сокращении скотоводства в отдельных местностях Александрийского уезда почти на половину, а в отдельных местностях и волостях Херсонского и Одесского уездов более, чем на половину»¹

Бедствия неурожаев жестоко сказываются на скоте преимущественно: это можно заключить *a priori* из характера наших хозяйств. Скотоводство — это больное место наших деревень. А больное место при малейшем общем ухудшении дает о себе знать всегда прежде всего и сильнее всего. По существу, недоедание, постепенное обезсиление, вырождение и сокращение числа животных свойственно массе мелких хозяйств и в хорошие годы. А в плохие — скот уж падает. Но только в посредственные урожаи нет громкого повода привлекать общественное внимание к этому, обыденному для сельчан, хроническому явлению.

Недостаток кормов и отсутствие запасов его происходит вследствие скудости и бедности пастбищ и отсутствия на крестьянских землях сенокосных угодий (трав). Под пастбища отведены самая худшая земля — каменистые склоны, овраги, пески все, что не может быть распаханно, где плуг не проходит, или земля неплодородна. Все-же, годное для хлебной культуры, каждый клочек, где может оборотиться плуг, занято зерновыми посевами. Более или менее зажиточные хозяева расширили до этих крайних пределов посеvy зерна исключительно под влиянием рыночных требований, так как использование земли под зерновыми культурами наиболее выгодно. Поэтому, на пастбища смотрят, как на терпимую лишь хозяйственную надобность, как на крайнюю необходимость. Об этом влиянии товарного производства, т. е. репка, на систему полеводства скажем подробнее ниже. Беднейшая

¹ Неурожай и продовольственные нужды в Херсонской губернии.— «Новорос. календарь» 1893 года. Отд. литератур., стр. 105—109.

хозяйства распахивают все, что могут, вследствие стеснения в земле — малоземелья и высоких арендных цен, порожденных тем-же товарным производством хлебов. Для них посев зерна — вопрос пропитания. «Толока—только необходимое зло в Херсонских условиях», замечает заведывавший сельско-хозяйственные бюро Херсонского земства². Все внимание и все хозяйственные заботы обращены на зерновую культуру. Прокорм-же скота основывается, главным образом, на самых шатких соображениях: «туды-сюды, абы не здохло», «треба пошукати десь трошки половы», «трошки соломы, або-що», «якось протягне»... Пастбища, где выпасается скот населения, так скудны, так тощи, так переполнены скотом, что обыкновенно служат больше местом для прогулок и случки, нежели для прокорма, и название «толока», которая обозначают у нас пастбища, следовало-бы заменить словом, более верно передающим характер этого угодья — именно «толчея». Ибо скот не столько пасется, сколько толчется. Добавочного корма в настоящий период кормления животных не получают.

Неудержимое стремление к расширению площади зерновой культуры в ущерб пастбищам и сенокосным угодьям, вызвано среди мелких хозяев не какими-либо хозяйственными соображениями, а крайней нуждой. Для удовлетворения первичных жизненных потребностей сельчанин должен обладать определенным участком пашни. В большинстве случаев посевы каждого способного к распашке клочка объясняется продовольственной нуждой, этот посев — последняя ставка в азартной игре на необходимое пропитание. До пастбища-ли тут. Недостаточность скота и его истощенность порождают скверную обработку полей, от последней — понижение урожаев пашни. Чтобы наверстать недохватку от этого понижения наше население увеличивает культуру зерна расширением пахотной площади. А от постепенного увеличения последней на счет других угодий и непрерывной эксплуатации под одни и те-же посевы пашни — происходит уменьшение кормовой для скота площади, ухудшение плодородия почв, следовательно, опять таки неурожай и дальнейшее обеднение.

Это расширение пашни приносит еще одну грандиозную невыгоду для всего народного хозяйства, можно сокращения кормов и численности скота. Утрированная распашка, истощая до крайности поля,

² В. А р н о л ь д . «Общая черты агрономической техники крестьянского хозяйства Херсонского уезда», стр. 3.

уничтожает в то-же время в степных-континентальных странах, посещаемых засухами, способность степных почв, выработанную веками, противодействовать засухе и тем постепенно накапливать влагу. Запасы влаги от дождливых годов перестают существовать, степи высыхают.

И обезсиленная, изнемогающая природа на крайнее требование со стороны человека в виде непрерывной пахоты отвечает отказом.

Так стоят лицом к лицу истощенная, не знающая, отдыха, измученная земля и наш жаждущий от нее средств к жизни земледелец. Следствие здесь действует, как причина, — причина как следствие. Отсюда — сложность сельско-хозяйственного вопроса. Остановиться на своем пути непрерывного пользования землей — нашней земледелец не в силах. Такие явления, как засуха и неурожай, только явно вскрывают эти соотношения явлений, обнажая их остроту и мучительность, но ничуть не порождают их. Вот каков в действительности был ход развития этих соотношений для Херсонской, Бессарабской и Таврической губерний³.

Т а б л и ц а I.

В губерниях за годы	Под посевам десятин	В %% к удобной площ. губ.	Под кормовой площадью- (сенокос, пастбище, выгон) десят.	В %% к удобной площ. губ.
В Херсонской:				
1852 г	2,988,684	46,1	3,262,167	52,0

³ Цифровые данные, положенные в основание вычислений, взяты из следующих источников. По Херсонской губ. данные на 1852 г. из Материалов для географ. и статист. Хер. губ.» А. Шмидта. 1863 г., где распределение угодий основано на измерениях военной съемки. Сведения за последующие годы заимствованы из «Стат.-эконом. обзоров» за соответствующие годы (в Сборн. Херс. Земства). Материалы для этих обзоров обрабатываются статистическими отделениями земства. По Таврической губ.— А. Скальковский. Опыт хозяйств. статистики Новороссийск. края. Од. 1853 г.— Военно-Статист. Сборник. Спб. 1871 г. — К. А. Вернер. Памятная книжка Тавричск. губ. Симфер. 1889 г. — Статист. Российской Империи. Изд. Ц. С. К. По Бессарабской губ. Те же, кроме Вернера, а также «Материалы для географии и статист. Бессараб. Обл.». А. Зашука и «Обзоры Бесс. г. Губерн. Стат. Комитета».

1887 г	3,032,917	48,7	2,699,001	43,4
1896 г	3,635,970	58,4	2,095,948	33,7
1900 г	3,861,631	68,6	1,800,035	29,4
В Бессарабск.: ⁴				
1852 г	1,058,000	32,9	2,156,000	60,1
1870 г	1,210,000	37,9	1,981,000	58,2
1892 г	1,745,000	51,3	1,474,000	43,3
1901 г	2,144,851	63,1	1,067,899	31,4
В Таврической:				
1848 г	1,230,000	26,2	3,247,200	65,0
1870 г	1,483,000	31,6	3,420,000	66,6
1886 г	2,050,642	43,5	2,231,314	47,7
1901 г	3,474,836	70,1	1,286,784	26,2

⁴ В подкрепление данных 1852 г. о величине распашки в отношении кормовой площади в Бессарабской губ. приведем соотношения угодий в двух группах земледельческого населения:

В немецких поселениях было
всей земли 130.612 дес.

Из них находилось:

под пахотой 39.621—30,5 %

сенокосом 34.349—26,0%

выгоном 48,147—44,5%

В болгарских поселениях было всей земли 285.386 дес.

Из них находилось:

под пахотой 64.050—22,4%

севркосом 106.740—37,6%

выгоном 10.740—40,0%

Таким образом на юге площадь, служившая для кормления сельско-хозяйственных животных, в течение полувека прогрессивно уменьшалась и в наше время она равна всего половине площади прежнего размера. А пашня росла, достигнув ныне в Тавр. губ. тройного, а в Бессарабии двойного, против 50-ых гг. размера, в Херсонской-же губернии увеличилась в полтора раза. Особенно поразительно быстрое

исчезновение севокосного угодия, которое должно обеспечивать зимнее содержание скота и поддерживать летнее, что видно из следующего сопоставления (см. табл. II). В Херсонской губернии сенокос уменьшился почти в 7 раз. Чтобы оценить в должной мере народно-хозяйственное значение этих цифр, необходимо принять в соображение, что в южных степях оставление земли под сенокосом, имеет значение не только кормовое; это, в то-же время, единственная пока мера, служащая для возобновления плодородия почвы. Сенокос восстанавливает нормальные почво-образовательные процессы, нарушаемые пахотой. И вот это-то ценное угодие в 40 дес., приходившихся на каждые 100 дес. удобной земли, сведено на 6 дес. на те же 100 дес. удобной площади. Полвека назад почти половина земли имела возможность пополнять свои потери, наносимыя истощающими почву посевами, а ныне только 6 % возобновляет свои утраты. Следовательно, необычайно и несоразмерно быстро растет площадь истощаемых земель.

Т а б л и ц а II.

Площадь под сенокосом в процентах ко всей удобной площади.

Херсонская губ. Бессарабская губ. Таврическая губ.

Годы	%%	Годы	%%	Го ды	%%
1852	39,6	1852	38,8	1870	59,7
1887	12,7	1870	34,4	1886	32,1
1896	9,8	1892	17,6	1901	7,2
1899	7,1	—	—	—	—
1900	6,4	1901	4,2	—	—

Земля под толокой более туго уступает общему превращению земель в пашни вследствие того лишь, что под толоку, как мы говорили уже, обычно отводятся самая негодныя места. Но и она не избегла общей участи. Так, в 1890 году толока в Херсонской губернии

составляла 24,6 % ко всей площади губерний, и в 1900 году она составляла уже 20,1 % т. е. потеряла шестую часть.

По отношению к населению земля распределялась так:

Т а б л и ц а III.

В Херсонской губернии на 1 сельскую душу приходилось:

В 1852 г. — 3 дес. пашни (2,91), и она могла содержать свой скот на $3\frac{1}{4}$ дес. кормовой площади (3,18).

В 1900 г. — 2 дес. пашни (1,93), и она могла содержать свой скот на 1 дес. кормовой площади (0,95).

В Бессарабской губернии на 1 сельскую душу приходилось:

В 1852 г. — $1\frac{1}{2}$ дес. пашни (1,48), и она могла содержать скот свой на $2\frac{1}{2}$ дес. кормовой площади (2,39).

В 1901 г. — 1 дес. пашни (1,02), и она могла содержать свой скот на $\frac{1}{2}$ дес. кормовой площади (0,47).

В Таврической губ. на 1 сел. душу приходилось:

В 1850 г. — $21\frac{1}{2}$ дес. пашни (2,4) и она могла содержать скот свой на $4\frac{1}{2}$ дес. кормовой площади (4,4).

В 1901 г. $2\frac{1}{2}$ дес. пашни (2,6) и она могла содержать свой скот на 1 дес. корм. площади (0,96).

Размеры соотношений между численностью скота и кормовой площадью представляются в таком виде:

Таблица IV.

В Херсонской губернии на 10 десят. кормовой площади хозяин, прокармливал:

В 1852 г. — 2 головы крупного рогатого скота (1,99) — $5\frac{1}{2}$ овец, (5,6) — $\frac{1}{2}$ свиньи (0,62) и 1 лошадь (1,93) (1,93),

а в 1900 г. — $4\frac{1}{2}$ головы крупного рогатого скота (4,5) — $6\frac{1}{2}$ овец (6,3) — $1\frac{1}{2}$ свиньи (1,6) и 3 лошади (3,12).

В Бессарабской губернии на 10 десят. кормовой площади бессарабец кормил:

В 1852 г. — 3 головы крупного рогатого скота (2,99) — $8\frac{1}{2}$ овец — (8,61) — 1 свинью (0,93) и $\frac{1}{2}$ лошади (0,53),

а в 1900 г. — 5 голов крупного рогатого скота (5,09) — $14\frac{1}{2}$

овец—(14,59)—2 ½ свиньи (2,77) и 3 лошади (3,3).

В Т а в р и ч. губ. на 10 дес. кормов. площади тавричанин кормил:

В 1850 г.—1 гол. кр. рог. ск. (0,99), 6 овец (5,75)—1/2 свиньи (0,35) и

½ лошади (0,33). В 1901 — 4 гол. кр. рог. ск. (3,90)—12 овец (11,8)—1 ½ свиньи (1,58) и 3 ½ лошади (3,58).

Последняя цифры объясняют, почему наш южный скот хронически не доедает, тощает, вырождается, а при малейшем недороде — падает.

Юг наш переживает таким образом, разгар борьбы пашни с пастбищем и сенокосом.

Животное население искусственно скучено на крайне тесной кормовой площади, и последняя неуклонно сокращается.

Обыкновенно в таких случаях советуют поступать ясно и просто: завести травосеяние, производить посевы могоара, люцерны и пр. Нет сена (травы) — посеи и будет.

По существу дело далеко не так просто. Борьба за преобладание на земле между площадью, продовольствующей человеческое население, и кормовой площадью, служащей для животных, есть не временное, случайное явление, а составляет основной коренной вопрос сельского хозяйства, то есть питания людей. Как мы увидим, в этой борьбе угодий не важно со стороны хозяйственно-общественной — представляет-ли кормовая площадь естественный сенокос или искусственные травы.

II.

То, что переживает ныне Новороссия в отношении борьбы угодий, в истории сельского хозяйства не ново и было своевременно пережито средней Европой. Поэтому, нельзя избежать, без ущерба для уяснения нашей точки зрения, хотя бы самых беглых указаний на выдающиеся черты сельско-хозяйственной истории соседних стран. К тому же, никто не станет отрицать органической связи между направлением нашего сельско-хозяйственного производства и ходом развития сельского хозяйства в средней Европе: хлебный экспорт и зерновой характер полеводства отчетливо выражает взаимную

зависимость. Подробнее об этой связи скажем ниже.

В сущности, все великия и историческия движения народов в Европе находились в связи с переломами в системах и способах пользования землей.

Эпоха великаго переселения совпадает с переходом части народов от скотоводственного периода их жизни к оседлости и земледелию с постепенной выработкой первобытной системы полевого хозяйства. На территории другой части народов (на юге Европы) ломалась уже и залежная система⁵. По причине трудности разработки тогдашними примитивными способами от века девственных земель, земледелие того времени сосредотачивалось в определенных местностях, преимущественно вдоль рек. Ограниченность мест расселения вынуждала возвращаться к обработке старых пашень, как более легкому и удобному приему, нежели переход населения на новые места и новое устройство с подъемом тяжелых целинных земель или выжиганием леса. Таким путем срок залежей постепенно сокращался, пока все находившиеся вблизи населенных мест удобная залежи не стали подвергаться постоянной обработке.

В VIII и IX веках эта система вследствие истощения бедных европейских почв сказалась несостоятельной. Надо было или

⁵ В наше время в России дикая скотоводственная система практикуется в областях, населенных кочевьями башкир, киргиз и бурят. В Новороссии она доживала свои дни в XVIII веке. Наблюдения показали, что население при этой системе вынуждено переходить к земледелию и оседлости уже при 100 дес. на человека. Поэтому, прирост населения за известными пределами вызывает продовольственный кризис. Кризисы осложнялись неурожаем трав, падежами от эпизоотий, пожарами степей и лесов и т. п. Тогда народы снимались и шли в другие области, вытесняя, или уничтожая встречные племена; при заселении же всего материка, народы принуждены были свои пашни, находившиеся у номадов в виде разбросанных беспорядочных клочков, расширить и обратить в более устойчивые неперемные угодия. Искусственная культура растений приняла более правильный, толковый вид. Это было первое робкое посягательство пашни на неограниченное нераздельное господство до того времени на земле цельных почв и лесов. Есть основания предполагать, что первые искусственные посевы растений человеком были произведены с целью прокорма своих животных, а не себя. Таким образом травосеяние, собственно, имеет почвенную давность.

переселяться на нетронутые земли или изменить систему полеводства. Произошло и то, и другое. Залежная система стала сменяться паровой зерновой системой, существовавшей в форме двуполья еще в древней Греции и занесенной на юг средней Европы в II и III вв. римскими легионами. Оттуда она перешла к франкам. В северной Германии ее распространял, заимствовав из Франции, Карл Великий в IX веке. Эта система упрочилась там в форме трехполья.

Трехпольная паровая система - это дальнейшая победа пашни над другими естественными угодьями. Третья часть поля оставляется ежегодно в подготовленном состоянии не занятым, дабы оно «парилось», т. е. почву как бы заставляют проделать всю процедуру подготовки своих элементов для питания растений, не допуская этого питания. Таким путем готовится запас для будущего посева. Усиленная обработка пара ускоряет процессы возобновления плодородия почвы. Продовольственное обеспечение возросло несомненно, но в то-же время паром положено было начало форсированной эксилотации почвы путем быстрого, по сравнению с залежью, искусственного подъема ее жизнедеятельности, т. е. начало истощенности ее, так как пар для почвы нечто в роде сильного возбуждательного средства. Эта новая агрономическая эпоха характерна не столько числом полей, сколько именно введением пара, при котором запасы почвы, ее богатство, — переводятся механическими мерами (обработкой), так сказать преждевременно, в живое плодородие. Последнее достигается, в климатических условиях стран зап. Европы, несоразмерно быстрее, нежели это происходит естественно в залежах.

Этот переход всегда совершался в тех странах, где население достигло уже значительной сгущенности, причем в этой густоте, несколько искусственной, играют огромную роль условия землевладения. При переходе к паровому трехполью, приходится отказаться от части (1/3) продовольственной площади, что впоследствии компенсируется превосходством новой системы. В этом и состоит сущность перелома. Очевидна необходимость крайнего напряжения сил и временных жертв. Эти обстоятельства отзывались крайне неблагоприятно на населении. Западная Европа в начале средних веков, когда именно вводилось трехполье, была потрясена этим переломом, и движение народов в те времена, принявшее вскоре идейную форму крестовых походов, когда население покидало массами свои истощенные поля, находит свое объяснение в банкротстве, на территории большей части средней

Европы, бывшей залежной системы (в период ее распашки), при которой емкость тогдашнего сельско-хозяйственного расселения при аграрных и многих других условиях того времени оказалась насыщенной. Движение усилилось тем, что в южной части Европы, которая ранее перешла к паровой системе, в это время уже и последняя оказывалась малопродуктивной, истощающей, и население переживало тождественные затруднения. Этими походами зап. Европа избавилась от излишка беднейшего населения. Как известно, в первый уже период движения западноевропейские страны выбросили из себя полчища бедняков численностью до 600.000 ч., которые все погибли еще в восточной Европе, не дойдя до назначения.

Позже трехполье проникло в Польшу и в Россию, в ее северные области с такими-же бедными почвами, где развивались совершенно аналогичные с описанными явления в той-же исторической приемственности.

В это время и был нанесен второй удар господству скотоводства, так как оно должно было отодвинуться в незаселенные страны. Это резко сказалось в изменении характера питания народных масс. Мясная пища, составлявшая еще в эпоху средних веков основу питания бедняков, стала вытесняться по мере уничтожения залежей и лесов и введений пара — раствельными продуктами, зерновыми и овощными, и мясо постепенно становится достоянием стола зажиточных классов.

Таким образом, с IX века в европейских странах, обладавших культурно-исторической жизнью, стала вводиться зерновая система, по преимуществу паровая, в виде двуполья (Франция) или трехполья (Германия). В чистом виде без удобрения зерновая паровая система господствовала в Европе вплоть до XVI века. Нынешняя центральная Россия стала тогда только заселяться, и юг представлял еще дикое поле.

Там, где паровая зерновая система укрепилась, она успешно выполняла свое назначение, т. е. повысила общее производство зерна, ввела устойчивый распорядок в хозяйство и удовлетворяла потребностям нарастающего населения.

Но при крайней бедности тамошних почв искусственное возбуждение деятельности ее, без обратного вознаграждения, оплаты урожаев, привело поля к быстрому и безнадежному истощению. Залежи, существовавшие еще в значительном размере (во вновь заселяемых местностях), стали еще более сокращаться.

Постепенное понижение урожаев было ответом на истощенность полей.

Сокращение скотоводства в населенных районах и неурожай вели к обеднению масс. Это видно из данных истории. Голодовки делаются хроническими. В XV и XVI веках Европа переживает испытания, напоминая X и XI века. На рубеже XIV и XV века свирепствуют повальные болезни, всегда сопровождающая голодовки. Население деятельно ищет новых земель, и эти поиски приводят к Эпохе великих морских открытий XV века. В этот последний, а особенно в XVI век, Европа была потрясена крестьянскими войнами. Поток эмиграции в новые страны становился шире. В России XV и XVI века всеми историками отмечаются, как эпоха бродячести и неусидчивости. Русь брела врозь Писцовыя книги XVI века и другие исторические памятники того времени свидетельствуют об огромных пространствах покинутых населением земель. В этих памятниках запустение приписывается голоду, повальным болезням, плохому хозяйству и тяжести повинностей, которых не могло выполнять обнищавшее население. Тогда-то стали заселяться степные области России, и наш юг терял особенности «дикаго поля».

Кроме бегства населения, которым, как мы указали, обыкновенно разряжались подобныя положения, последние вызывают всегда более или менее резкия и радикальныя изменения в системе полеводства. И в них оставшееся население находить облегчение своих продовольственных нужд. Эта последняя эпоха отмечена в истории сельского хозяйства введением в оборот хозяйства навознаго удобрения.

Казалось-бы, навозное удобрение должно было разрешить трудную задачу поддержания плодородия полей. В начале так оно и было. Навозное удобрение сильно повисало их урожайность, в течение почти 3-х столетий обезпечивало продовольственные нужды нараставащаго населения. Но в то-же время оно оказалось безсильным, в конце-концов, перед наступающим шаг за шагом, обострением борьбы угодий. Как ни увеличилась урожайность, продовольственной площади, но жизненныя нужды умножавшагося населения росли в непропорционально большей мере и превышали излишек, который давало усовершенствованное полеводство с навозным удобрением. Поэтому, быстро исчезали леса, выгоны, пастбища, все обращалось в пашню. А система навознаго удобрения, в разрез с этим, требовала содержания соответственнаго количества скота и хорошаго кормления его. При паровой-же системе, когда в оборот полеводства вошла почти вся удобная земля, держать скот было негде.

К XVIII столетию в средней Европе создалось положение, которое Т. фон-дер-Гольц живописует следующим образом: «При непрерывном возростании населения, пастбищной площади, еще уцелевшей от распашки, переставало хватать для содержания скота. А так как при громадной массе населения спрос на хлеб бывает гораздо интенсивнее, чем на животные продукты, то вследствие этого производство хлеба старались как можно больше расширить. Другими словами, нарушалось естественное отношение между возделыванием хлебных растений и кормовых трав, а также между хлебопашеством и скотоводством. Скота стали держать мало, или наличный скот кормили плохо, или-же происходило и то и другое вместе. Жалобы на понижение урожайности земли, на ухудшение и сокращение скотоводства стали всеобщими. Такова невеселая картина, которую представляло собою сельское хозяйство культурных стран западной Европы в XVIII веке. Во второй половине XVIII века более дальновидные сельские хозяева, камералисты, государственные люди и государи, были все согласны в том, что сельское хозяйство нуждается в коренном преобразовании, чтобы выполнить хоть сколько-нибудь удовлетворительно свои задачи, все согласны были в том, что прежде всего нужно возделывать больше кормовых средств на пахотной земле, чтобы таким путем расширить размеры скотоводства, улучшив вместе с тем их качества»⁶.

Вследствие этих причин именно в эту эпоху стали переселяться в Новороссию немцы колонисты из Швабии, Эльзаса и частью северных частей Германии.

В конце XVIII -го и начале XIX-го века западная Европа пережила новый агрономический переворот. Уступая требованиям необходимости, она принуждена была разстаться с господством зерновой культуры, получавшей выражение в паровом трехполье, и перешла к новой системе полеводства, действующей в ней и по настоящее время. В этой системе зерновое производство и хлебная пашня, потеряв главенство, разделили свое значение в полеводстве с кормовой площадью. Часть пашни была уступлена животным, но не в виде пастбища, а для искусственных иосевок травь и культуре корнеплодов, предназначенных для корма скота. Скот стал большую часть времени проводить в стойлах, не нуждаясь в такой степени, как прежде, в пастбищах и выгонах.

⁶ «Землевладение и сельское хозяйство» (Handwörterbuch der Staatswissenschaften), стр. 188—189.

Собственно не пашня потерпела поражение, а хлебопашество перед скотоводством. Пашня же даже увеличила свою территорию, так как стала обслуживать и кормовые нужды. Несомненно, это усиленное пользование пашней привело бы к быстрому и решительному истощению полей, если-бы во время не явилась на выручку помощь в виде минерального удобрения, созданного и введенного в жизнь трудами Юстуса Либиха в середине прошлого века. В последнее время разрабатывается теория бактериального удобрения, которая вся еще в будущем. На этих основаниях покоятся последние приобретения в области полеводства — плодосменная система и травосеяние.

III.

Ход сельско-хозяйственного развития (как и агрономической техники) в Новороссии аналогичен изложенному пути, по которому шло западно-европейское сельское хозяйство. Залежная система господствовала в Новороссии при тех-же условиях, как и в зап. Европе, во времена, когда пути сообщения были плохи, товарный обмен не развит, население — сравнительно редко. В начале прошлого столетия землю обыкновенно делили на три участка: самый дальний от селения, лежавший поперек всей площади, служил сенокосом, другие два, составлявшиеся от разделения остальной части земли вдоль — от селения до границы сенокоса — служили попеременно то пашнею, то пастбищем. Постепенно в это чередование был вовлечен и сенокосный участок⁷. Мало-мальски неудобные земли — склоны, косогоры, отроги балок, «кручи», тяжелые почвы долин — совсем не эксплуатировались. Скотоводство — гурты, табуны, отары — в системе хозяйства того времени выступало все еще, как преобладающая отрасль.

Под натиском требований расширения продовольственной площади, период пользования перелогов сокращался, размер его уменьшался а, в конце концов, перелог превратился в постоянную пашню. Так дело обстоит в подавляющей массе мелких хозяйств. Еще в 80—81 годах минувшего века в крестьянских хозяйствах можно было встретить угасавшие остатки системы полеводства с переменной

⁷ Материалы для географии и статис. Херсонской губ. А. Шмидт. Т. II стр. 17.

толокой⁸. Ныне под толоку отведены площади так называемых «абсолютных» угодий, т. е. по условиям залегания («кручи») или почвенным непригодных под зерновую или иную культуру, а тем более сенокос. На огромном протяжении земель мелких хозяйств залежей нет. Они сохранились лишь в крупных владениях. Таким образом продовольственная площадь стеснилась до крайних пределов кормовую.

В зап. Европе острый период коллизии между хлебопашеством и скотоводством, после распашки залежей и введения паровой системы, наступил не так быстро, как у нас, благодаря следующим преимуществам западно-европейских стран: во 1-х, наличности обширных естественных лугов, 2-е, сравнительной влажности климата, отчего пастбища не были подвержены сплошному выгоранию и не имели такого безотрадного вида, как это свойственно пастбищам сухих бездождных степей, а 3-е и главное, — благодаря значительной местности (в средние века леса подавляли своей массой клочки пахоты и лугов) западно-европейских стран, которая позволяла пользоваться лесами, как выгонами для скота.

В возникавших там периодически острых осложнениях между хлебопашеством и скотоводством, а с точки зрения полеводства — между зерновой и кормовой площадью, — существенную роль играла истощимость тамошних почв. В нашу задачу собственно не входит рассмотрение этого вопроса, специально полеводственного, так как нас интересует положение в прошлом и настоящем нашего скотоводства, как самостоятельного, безусловно необходимого фактора хозяйства, без которого последнее немислимо. Но в виду существования определенной зависимости между состоянием кормовой площади с состоянием плодородия полей, мы должны несколько коснуться этой зависимости, в какой мере она проявляется на полях Новороссии.

Наши черноземные почвы отличаются неизмеримо высшим естественным плодородием и богатством запасов, нежели почвы западно-европейских стран. Говорит об истощенности наших полей в том смысле, как это понимается по отношению к полям последних стран в настоящее время не приходится. Но относительная истощенность наших почв и связанное с ней понижение урожайности не могут быть огульно отрицаемы. Хронические неурожаи и голодовки говорят за то, что не все обстоит благополучно. В особенности это относится к

⁸ Местечко Курисово-Покровское. Стат. описание статист. отдел. Херсон. Губ. Земства. 1881 г.

Новороссии, где на огромном протяжении (южные уезды Бессарабии и Херсонской губерния, почти вся Таврическая губерния и юг Екатеринославской губ.) залегают отнюдь не богатая и не жирная почва. Сельские хозяева означенных местностей глубоко заблуждаются, принимая за неистощимый чернозем в сущности довольно тощая и весьма мало мощная (5/4 арш.) суррогаты истинного чернозема, именно т. наз. каштановая почва, имеющие лишь некоторое сходство в свойствах с тучным черноземом, напр. Самарской, Пермской, Саратовской губ.

Вегетационные опыты А. А. Бычихина с почвами Одесского уезда (Одесского опытного поля) показали, что, при оптимальной влажности и прочих одинаковых условиях, получается значительный перевес в приросте общей растительной массы на почве, взятой из под пара, по сравнению с почвой из под безпарья (12,25 и 7,22 гр.)⁹. Это показывает, что без искусственного форсированного возбуждения деятельности почвы, каковым является пар, почва отказывается давать возможно высокий урожай. К тем-же результатам привели таковые-же опыты и с подольским черноземом (в опытах Плотнянской опытной станции) и с почвой Херсонского уезда (в опытах Ф. Яновчика на Херсонском опытном поле). Любопытно, кроме того, что исследованиями 1902 года А. А. Бычихиным констатировано на почве Одесского опытного поля нахождение в *minimum'e* азота, тогда как по общераспространенному мнению урожай наших полей менее всего должен был-бы определяться именно этим элементом нашей почвы. Накопление азота в зернах пшеницы также находится, по опытам А. А. Бычихина, в непосредственной связи с повышенной жизнедеятельностью почвы путем паровой обработки¹⁰.

⁹ Общие обзоры деятельности Плотнянской сел.-хоз. опытн. станций за 1902 и 1903 г.г. См. «Восьмой и Девятый годовые отчеты станций».

¹⁰ Наш хлеб для иностранцев представляет ценность именно со стороны его богатства азотом. Богатое клейковиной зерно требуется Италией и Англией. В Англии бедные азотом хлеба ценятся весьма низко и идут на скормливание скоту (то-же и в Германии). И. Конрад, обсуждая торговые договоры с Германией, указывает на необходимость ввоза, главным образом зерна с значительным содержанием азота, так как «возделываемая в Германии пшеница не заключает в себе необходимого количества клейковины, а такая пшеница годится для печения хлеба только при прибавлении к ней очень богатых клейковиной русской и американской пшениц. («Положение сельскохозяйственных пошлин в торговых договорах Германии». И. Конрад). Таким

В этой необходимости прибегать к искусственным мерам (пару) для получения повышенной урожайности наших почв (вне зависимости от влаги) нельзя не видеть аналогий с процессами, заставившими некогда перейти сельское хозяйство зап. Европы к пару без удобрения с целью получения повышенного урожая. Эта необходимость может наростать собственно без всякого отношения к абсолютной истощенности почв, а с исключительной целью увеличить урожайность полей для удовлетворения нужд умножающегося населения.

Пар, кроме того, в наших условиях, служит и целям сохранения влаги в пахотном слое. Таким образом, за распространение его в наших хозяйствах говорят основательные соображения. Введение-же пара, по крайней мере на первых порах должно неминуемо произойти за счет дальнейшего уменьшения кормовой площади. А с другой стороны обработка пара требует от населения большого количества рабочего скота с большей работоспособностью. Здесь кроется один из первых моментов коллизии скотоводства и хлебопашества. Второй момент, более существенный и могущественный сейчас будет указан. А пока еще несколько слов об истощенности почв.

Для подкрепления опытных данных, указывающих на относительную (сравнительную) истощенность наших полей, приведем любопытныя конкретныя записи урожая с 1844 года, которыя велись в одном хозяйстве Новороссийскаго края (имение Каменскаго, в Мариупольском уезде). Эти записи рельефно указывают на постепенное понижение урожаев новороссийских полей в ряде десятилетий¹¹.

Средняя урожайность
с десятины:

	Коп.	Четв.	Коп.	Четв.	Коп.	Четв.	Коп.	Четв.
	Гирки		Ячменя		Ржи		Овса	
С 1849 г. до 1859 г.	10,7	4,3	13,4	6,3	11,1	4,4	11,6	12,7
» 59 » » 69 »	9,9	4,9	11,6	5,8	9,4	5,2	10,9	8,1
» 69 » » 81 »	8,3	3,3	—	—	9,2	4,6	8	6,4

образом, для повышения цен на наш хлеб, о чем так заботятся наши производители, необходимо повысить накопление азота в зерне, т. е. необходим переход к улучшенной технике полеводства, связанной с введением пара, усовершенствованной обработки и пр.

¹¹ Труды местн. Комитетов о нуждах сел.-хоз. промышленности. Екатериносл. губ. Спб. 1903.

» 81 » » 92 » 5,8 2,5 7,9 5,2 6,1 3,4 7 8,2

В Западной Европе моментом, ускорившим и до крайности обострившим решительное столкновение скотоводства в зернового производства, было навозное удобрение.

В необходимости его наглядно выразилась зависимость плодородия полей от правильного соотношения между скотоводством и хлебопашеством. Наш край обходится без навозного удобрения. Но тем не менее эта зависимость в своем абсолютном, отвлеченном значении, существует и у нас, только она приняла иную конкретную форму. В условиях нашей страны, при сухости климата, скудости в атмосферных осадках, при жгучих ветрах, зимней безснежности и летнем палящим зное, естественное плодородие наших полей находится в теснейшей связи с нормальными почвообразовательными процессами. Другими словами, насколько западно-европейские почвы нуждаются в навозном удобрении, настолько наши почвы нуждаются в естественном отдыхе, т. е. в заброшенности. После определенного срока пребывания под культурой наши почвы требуют определенного срока пребывания под залежью.

Относительно вопроса об истощенности наших степных почв в смысле утраты ими значительной доли питательных веществ могут еще существовать некоторые сомнения или разногласия.

Понижение-же урожайности наших полей в зависимости от систематического нарушения физического строения наших почв признается подавляющим большинством как ученых исследователей, так и хозяев практиков. Труды В. В. Докучаева, Н. Адамова, В. Высоцкого, проф. П. Баракова, А. А. Измайльского, П. Слезкина, проф. С. Ё. Богушевского и мн. др., ярко и сильно выяснена настоятельная необходимость охранения в видах поддержания плодородия степных почв особенностей строения последних. А. А. Измайльский, признавая несомненным постепенное высыхание степей (о чем пророчествует и Э. Реклю), видит, основную причину этого явления,

на наш взгляд совершенно справедливо, в утрате степными почвами своих первоначальных свойств по накоплению и сбережению влаги.

Эти свойства вытекают из особой комковатой, крупичатой структуры ее¹². «Ежегодные обработки ведут к неуклонному разрушению

¹² Задолго до открытия этой структуры учеными народ оценил ее по

нормального строения чернозема. Для восстановления комковатой структуры необходимо постоянное образование свежего гумуса-цемента. Этому восстановлению почвы может полнее всего способствовать временное оставление ее в залежи. При усиленной культуре черноземные почвы дичают и восстанавливаются при оставлении в покое» — говорит П. Слезкин¹³. Проф. О. Богушевский в итоге своего исследования «Неурожаи и истощение земель» (1900 г.) приходит к категорическому заключению о том, что «нашему земледельцу следует более всего опасаться относительного или временного истощения земель, и потому ему необходимо, главным образом, оберегать крупчатое строение своей почвы; если-же последнее утрачено, то земледельцу следует постараться восстановить его» (214 стр.).

Нормальное сочетание продовольственной и кормовой площади в наших условиях принимает, таким образом, форму сочетания пашни и залежей. Необходимость последних вызывается, помимо того, еще своеобразным рельефом степей (волнистым характером, изрезанностью их балками, лощинами, и т. п.), при котором уничтожение залежей ведет попросту к прогрессивному исчезновению черноземных почв (смыву, размыву, заносам и т. д.), что хуже всякой истощенности, так как неисправимо на веки.

В первой главе, в приведенных таблицах соотношений угодий по годам, показано быстрое исчезновение задней. С утратой их — идет параллельно разрушение нормального строения черноземных почв, т. е. их способности восстанавливать свое плодородие.

Существование залежей тесно связано с скотоводством. Таким образом, роль навозного удобрения в обострении коллизии скотоводства и хлебопашества в степных сухих областях выполняют залежи. Потому-то, картины сельско-хозяйственного состояния современной Новороссии и Зап. Европы XIII века совершенно аналогичны. Меняются лишь конкретные формы, видимый облик естественных причин, сущность-же их, сила, лежащая в корне причин преобладания зернового производства над кормовым, остается та-же и приводит к одним и тем-же результатам.

достоинству, отдавая преимущество почвам с зернистым строением. На юге это состояние почвы народ окрестил именем — «сыпец» (от понятия — разсыпаться).

¹³ П. Слезкин. О преобладающем процессе почвообразования.

IV.

Теперь перейдем к рассмотрению движения скотоводства на юге в связи с ростом населения и его хозяйственной деятельностью, и попытаемся вкратце указать на историческое-значение этого движения.

Прогрессивный рост русских крестьянских хозяйств, лишенных рабочего и продуктивного скота, констатирован многочисленными наблюдениями земских статистиков и установлен для многих районов с положительной точностью.

В Херсонской, Бессарабской и Таврической губерниях, ход соотношений скотоводства и сельского населения представляется в следующем виде¹⁴:

Таблица V.

На 100 душ сельского населения приходилось:
В Херсонской губернии:

Годы:	Кр. рог. скота	Овец	Свиней	Лошадей
1848	89,5	165,6	15,8	32,9
1857	63,4	179,2	20,0	13,0 ¹⁵
1882	64,4	206,0	24,4	26,0
1887	70,2	131,2	22,4	28,8
1896	46,6	76,5	18,1	31,0
1900	44,2	61,7	15,8	30,4

¹⁴ Источниками, откуда черпались данные о скоте, служили те-же издания, о которых упомянуто было в примечании о данных сельско-хозяйственных угодий. Кроме того, были использованы: «Исследования современного состояния овцеводства в России». Спб. 1893 г. и издания. Ц. Ст. Ком.

¹⁵ Небольшой процент лошадности объясняется Крымской кампанией, когда происходила на юге реквизиция лошадей.

В Бессарабской губернии:

Годы:

1848	75,7	190,9	18,9	11,8
1852	69,9	201,1	22,1	11,0
1882	61,2	178,9	30,4	28,1
1892	48,3	137,1	23,6	22,0
1901	33,8	97,1	18,5	21,9

В Таврической губернии:

Годы:

1858	76,2	353,1	14,3	23,6
1870	67,6	673,0	-	29,0
1882	68,4	547,3	16,6	50,1
1886	68,8	397,1	21,5	35,5
1891	48,3	288,8	17,5	34,0
1901	39,6	128,1	16,1	35,0

С восьмидесятых годов идет общая убыль скота по отношению к населению во всех трех губерниях. Именно в эти годы произошел перелом в хозяйстве (сокращение залежей) и от этой поры тянется, все обостряясь, аграрный и сельско-хозяйственный кризис на юге. По отношению к распашке животное население за тот-же приблизительно промежуток времени распределялось таким образом.

Таблица VI.

В Херсонской губернии:

Годы:	Кр. рог. скота	Овец	Свиней	Лошадей
1857	21,7	61,5	6,8	4,8
1887	70,2	69,5	11,1	13,6
1896	46,6	40,7	9,7	16,5
1900	44,2	32,0	8,2	15,7

В Бессарабской губернии:

Годы:

1852	53,8	154,7	17,0	8,5
1882	47,1	130,7	23,4	21,6
1892	38,3	108,9	18,8	18,1
1901	27,7	79,5	15,1	18,0

В Таврической губернии:

Годы:				
1858	33,3	154,4	6,2	10,3
1870	29,3	262,3	-	11,6
1886	28,7	166,0	9,0	14,8
1901	13,7	41,1	5,6	12,3

Здесь также выступает перелом восьмидесятых годов. В Бессарабской же губернии падение скотского населения, выражаемого в процентах к пашне и человеческому населению, влечет свое начало еще с середины века. Объясняется этой большей густотой населения, нежели в соседней Херсонской и Таврической губернии, а также давностью хозяйственной жизни.

Постепенное исчезновение животных с Херсонских, Бессарабских и Таврических полей с восьмидесятых годов выражается не только в относительных цифрах, но и в абсолютных, что видно из следующей таблички.

Таблица VII.

Находилось всего голов скота в переводе на крупный¹⁶:

В Херсон, губ.		В Бессараб. губ.		В Таврич. губ.	
В 1848 г.	1.218.473	В 1848 г.	809.092	В 1858 г.	703.884
1882	1.381.816	1882	1.169.414	1870	923.832
1887	1.625.274	1892	1.145.396	1886	1.182.888
1896	1.534.225			1890	1.007.238
1900	1.521.684	1901	1.104.229	1901	963.170

Исчезают с горизонта Новороссийских степей главным образом овцы и крупный рогатый скот. Вот абсолютные данные численности их по годам.

Таблица VIII.

В Херсон, губ.			В Бессараб. губ ¹⁷ .		В Таврич. губ.		
Годы:	Кр. рог. скота	Овец	Годы:	Кр. рог. скота	Годы:	Кр. рог. скота	Овец
1882	804.596	2.576.182	1888	735.366			
1886	998.654	2.250.000	1890	691.710	1882	485.800	3.886.300
1887	1.054.774	-	1892	668.790			
1888	1.012.055	-	1894	506.716	1886	590.181	3.403.000
1889	914.660	1.637.640	1896	558.519			
1893	771.671	-	1898	575.293	1890	468.921	2.666.534
1896	888.978	1.487.762	1900	593.378			
1900	789.116	1.151.100	1901	519.049	1901	476.061	1.526.853

¹⁶ По примеру Прусской государственной статистики обыкновенно принято считать, что 1 голова крупного рогатого скота (вол, корова, бык) = 2/3 лошади, 10 овцам и 4-м свиньям. Такой счет принят и здесь.

¹⁷ Приведенные данные о количестве крупного рогатого скота в Бессарабии с 1888 г. собирались земством, которым установлен со сказанного года обязательный страховой сбор со скота. Данные заимствованы из «Отчетов» Бессарабской Губернской Земской Управы.

Можно предположить, что в общей картине сокращения крупного рогатого скота кроется собственно сокращение волов, которые вытесняются, как рабочая сила, лошадьми.

Цифры не допускают этого предположения. Так, в Херсонской губернии количество коров, молодняка и быков само по себе, и без участия волов, идет с годами на понижение, а именно:

Т а б л и ц а IX.

Херсон. губ.	Круп. рог. скота, кроме волов
1887 года	710.137
1889	619.449
1890	615.624
1894	596.252
1899	652.905
1900	640.722

Распространенное мнение о замене рогатого скота лошастью, которым стараются объяснить убыль волов среди земледельческого населения, вообще, не доказательно. Если на стороне лошади находится преимущество в быстроте работы и общей подвижности, то в противовес этому на стороне вола — неприхотливость вкуса и способность усвоить грубые малоденные корма.

А так как главный вопрос деревни теперь именно прокормление животных, а не скорости работы, то содержание волов для населения порой более заманчиво. Убыль волов несомненно стоит в связи, главным образом, именно с общей тенденцией скотоводственного дела, выражающейся в постепенном исчезновении животных.

Историческое значение этой тенденции определено и ясно выступает в рамках воззрения проф. Ламбля по вопросу о симбиозе животных и человека. Хотя воззрение Ланбля изложено двадцать шесть лет тому назад, тем не менее, взгляды его в целом принадлежат скорее будущему, нежели нашему времени¹⁸. Взгляд его удачно освещает особенности современного положения хозяйств, и в этом смысле имеет практический для нас интерес. По мнению Ланбля, человек попросту вытесняет животных, овладевая его кормовой площадью и превращая ее в свои

¹⁸ I. V. Lamble. Depcoration in Europa. Leipzig. 1878 г.

продовольственные пашни. Ламбль основывал свои соображения на статистических данных различных государств. Это явление он окрестил именем депекорация — обезскотинение.

В сущности, борьба между кормовой площадью для животных и продовольственной площадью для человека составляет содержание истории сельского хозяйства¹⁹. До последнего времени победа оставалась на стороне зернового производства, т. е. продовольственной площади. Если в западной Европе она должна была в прошлом столетии уступить часть своего бывшего завоевания в пользу кормовой площади, а в Ирландии, по условиям тамошнего землевладения, пашня временами и совсем исчезала в иных местностях, обратившись в пастбища, то это, как увидим далее, надо ценить относительно, победа фиктивна, так как в сущности западная Европа свои продовольственные площади по производству зерна перенесла попросту в Россию, Америку, Ост-Индию, Австралию. И хлебопашество, уступив в западной Европе часть своей территории под травы и корнеплоды для животных (в плодосменной системе), с лихвой наверстала свои потери в новых странах.

Принимая во внимание этот общий мировой баланс хлебопашества и скотоводства, можно сказать, что положение Ламбля до сих пор остается во всей своей силе.

Последовательным выводом из положения Ламбля явится в будущем необходимость отказаться совершенно, как от рабочих услуг животных, так и от пользования продуктами животного происхождения. Есть два исхода из такого положения — по одному пошла Европа с Америкой, по другому — Азия. Первый путь состоит в изобретении и введении в употребление паровых и другого рода машин, а также в пользовании искусственным, не животным удобрением — минеральным и растительного происхождения. В культурных странах мы и наблюдаем это вытеснение или сокращение работы животных машинами и приспособлениями всякого рода, а также рост потребления искусственных минеральных туков в связи с культурой бобовых растений (растительное удобрение). Второй путь проще: человек

¹⁹ В труде «К истории хозяйств. быта Москов. госуд.» И. Н. Миклашевский высказывает мысль, что «история сельского хозяйства есть в сущности история заселения края и превращения диких полей, лугов и лесов в культурное состояние» (стр. 5). Нам кажется, что это определение далеко выходит за пределы специальной области сел. хозяйства, тогда как борьба угодий является отличительным признаком истории последнего.

возлагает на себя самую все работы и обязанности, исполняемые животными, включая и производство удобрений, и тем вытесняет их, обращая в свою пользу долю земли, служащую кормовым средством для скота. Это наблюдается в Китае и Японии. В этих странах с древнейшей культурой и густым, переполняющим территорию населением, можно воочию наблюдать это, предсказанное Ламблем, вытеснение животных человеком. Там труд животных выполняют люди: доставку тяжестей, развозы, транспортное движение, обработку полей и т. п. производит сам человек своими мускулами. Удобрение полей также производится путем интенсивного использования человеческих экскрементов. Для скота там нет места. В отношении же питания, как известно, растительные продукты постепенно становятся исключительной пищей народных масс, как в Европе, так и в Азии, и вегетарианство — вольное и невольное — вытесняет повсеместно животную пищу.

Для нашего края — Херсонской, Бессарабской и Таврической губерний, — как мы видели (таблицы V и VII) положение Ламбля оправдывается в полной мере. Еще любопытнее последовательное изменение численности человеческого и животного населения по отношению ко всей площади удобной земли указанных губерний.

Таблица X.

На 100 десятин всей удобной земли приходилось:

В Херсон. губ.			В Бессараб. губ.			В Таврич. губ.		
годы	людей	Животных, в переводе на кр.пог.скот	годы	людей	Животных, в переводе на кр.пог.скот	годы	людей	Животных, в переводе на кр.пог.скот
1848	14,5	19,2	1848	23,4	25,2	1858	11,4	15,0
1857	16,2	-	1856	25,4	25,9	1870	12,3	19,7
1882	19,7	21,8	1882	34,5	36,4	1886	18,3	25,2
1887	23,1	25,6	1892	43,1	35,6	1890	20,7	21,3
1896	30,4	24,5	1901	54,7	34,3	1901	25,8	20,5
1889	32,0	24,0						

В середине прошлого столетия животное население преобладало над человеческим. В течение последующих 3—4 десятилетий возросло как одно, так и другое население, причем животное сохраняло

неизменно свое численное превосходство над человеческим. В те времена было просторно, и жилось не дурно и тем и другим. Но в восьмидесятых годах животное население стало теснить уже людей. В эту пору приблизительно сравнялась численность населения скотского и человеческого. Это равенство оказывается роковым для животных. Быть может, это общий числовой закон для людей и животных всяких местностей. После периода равенства животное население, теснимое неуклонно возрастающим человеческим населением, также неуклонно стремится к исчезновению.

Идет скрытая, незаметная, безшумная борьба между человеком и его домашними животными. Только в годы неурожая вдруг приподымается завеса и становятся видными белые скелеты павших животных на голых, вытопанных пастбищах, а у порожних стойл — тощия, с впалыми животами, с выдающимися хребтом и костями, вымирающая малорослая лошададки да коровенки.

В Херсонской, Бессарабской и Таврической губерниях решительная битва между человеком и его животными произошла в восьмидесятые годы минувшего века, когда животное население достигло maximum'a за все столетие своей численности.

Изложенные данные и соображения приводят к следующим заключениям.

Усиленно-зерновая эпоха земледелия, недавно пережитая западными странами и так тяжело переживаемая нами, крайне важна в сельскохозяйственной истории страны. Характерные черты ее в условиях южно-русских хозяйств таковы:

Выгоны и пастбища сокращены до minimum'a, а пашня доведена в своем росте до крайних пределов с исключительной целью производства зерна. Скота мало; держится преимущественно или исключительно рабочий скот. Кормится скот чрезвычайно плохо. Каждую весну, в официально публикуемых нашим министерством земледелия сведениях о положении сельского хозяйства, можно встретить стереотипные фразы: «скот перезимовал с трудом и вышел в поле исхудалым и слабосильным». Это в момент весенних работ. А поле, куда он вышел, как мы знаем, жалкое, тесное, скудное пастбище, откуда он по снятии хлеба переходит на черное, оголенное, распыленное жнивье. Поля не возобновляют свое плодородие.

В итоге — понижение благосостояния населения, непосредственно от сокращения скота (живого капитала и рабочей силы) и посредственно —

от истощения полей вследствие несоразмерной и непрерывной распашки, вызывающей хронические неурожаи. Население крайне беднеет.

С одной стороны — требуется расширение кормовой площади и параллельно улучшение скотоводства (дрянной скот не окупит скормленного корма), что стоит в связи с уменьшением площади, непосредственно занятой хлебом. С другой стороны, нарастающее население требует увеличения хлебного производства и теснит стихийно скотоводство. Бедность населения, развивающаяся при усиленном зерновом производстве, ставит преграды для проведения частичных технических улучшений.

Введение усовершенствованной системы полеводства и улучшение техники, стоящая на очереди южного хозяйства по существу выходят далеко за пределы специально агрономических мер. Советы о введении пара, травосеяния и плодосмена в оборот народного хозяйства, по существу совершенно справедливые и верные, при таких условиях являются лишь платоническими пожеланиями. К числу таких платонических забот относятся и меры специально о «подъеме» нашего скотоводства, не затрагивающие существа дела. Вследствие этих трудностей, как мы видели на примере соседних стран, население стремится оставлять насиженные места, отправляясь в поиски свободных земель. Тоже наблюдается и в Новороссии. Тяга к новым местам проявилась среди населения нашего юга в 80-х годах минувшего столетия, как отмечено это было впервые земскими статистиками²⁰, т. е. в те именно годы, когда по всем сельско-хозяйственным явлениям замечается характер перелома. Переселение постепенно растет на наших глазах, принимая в иные годы эпидемический характер. Таким образом видим, что вопрос о полеводстве и скотоводстве, об отношении продовольственной площади к кормовой не так прост, как это может казаться убежденным проповедникам люцерны и пара или изобретателям «подходящего» севооборота.

²⁰ «Материалы для оценки земель Херсонской губ.», собранные в 80-ых годах.

V.

Каждому способу производства в сельском хозяйстве соответствует известный максимум сельского населения, которое может прокормиться с данной площади земли. На почве этой зависимости и возникают аграрные затруднения.

Но на емкость сельско-хозяйственной территории влияет в наше время не столько прирост населения, сколько развитие товарного производства, условия землевладения и капиталистический способ ведения последнего в связи с распространением усовершенствованных сельско-хозяйственных машин и орудий.

При переходе от натурального хозяйства к денежному с развитием товарного и денежного обмена, сельское хозяйство, приняв форму товарного производства, стало сообразоваться в устройении своих отраслей и доходных операций исключительно с требованиями конкуренции и рынка. Когда Западная Европа переходила от трехполья к плодосмену и сократила свою запашку и, след., производство зерна, а рост населения и промышленных центров требовал, наоборот, усиленного производства хлеба, тогда 3. Европа предъявила, нуждаясь в нем, огромный спрос на зерно в соседних странах. Польша и Украина откликнулись на это и, распахивая свои целины и пастбища, завалили западную Европу хлебом. С открытием черноморских портов и началом кризиса трехполья в самой Польше, роль житницы 3. Европы перешла к Подолии, Новороссии — Херсонской, Екатеринославской, Таврической г.г. и Бессарабии. Старожилы на юге еще помнят разцвет этой эпохи, когда «пшеничка» была золотым делом, сказочно и бешено обогащавшим всех причастных к ней: и производителей и экспортеров. Существенным в то время тормозом в деле расширения зерновой площади было неустройство путей сообщения, и скотоводство продолжало прочно стоять, так как скот находится не в такой от них зависимости, сам себя транспортируя. Но как только степи были прорезаны железными дорогами, пастбища стали быстро таять, превращаясь в пшеничные поля, которые давали несравненно более барыша, нежели пастбища и сенокосы.

Раз хозяйства втянуты в мировые обороты и бесповоротно вступили на путь денежного обмена, старосветскому хозяйству со скирдами немолоченного хлеба за несколько лет и стогами старого сена пришел

конец. В особенности это относится к мелким хозяйствам²¹. Денежный обмен действует как насос: то, на что существует спрос, он выкачивает до последней капли пши пылинки. Пашня растет, так как она в чрезвычайном спросе, запасы исчезают.

До тех пор, пока сельское хозяйство не имело характера товарного производства, не выходя — в среде массы землевладельцев — из рамок натурального хозяйства, когда все, что производилось в хозяйстве то и потреблялось в нем же, до тех пор от неурожаев страдали главным образом и в наибольшей степени города, как пункты скопления сравнительно большого количества людей. В деревнях же избытки урожайных годов обыкновенно оставались на местах, составляя невольные запасы для сельского населения. А урожайные годы вызывали даже недовольство населения²².

В прошлом веке между городами и деревцами произошел обмен ролей. С изменением условий товарного обращения страдающая роль от городов перешла к селам. Города даже в годы острого и повсеместного для страны неурожая не испытывают ни малейшего стеснения в хлебном продовольствии и, несмотря на отмену всяких запретительных и охранительных мер по движению и торговле зернового хлеба, какие были в силе еще повсеместно в начале прошлого века, освободились от постоянно реявшего над ними призрака голода или по крайней мере продовольственных затруднений. А деревни, порвав с натуральным строем, и соприкасаясь со всеми удобствами и легкостью современного сбыта, втянулись в мировые обороты торгового производства. Аппарат мирового рынка высасывает из деревни все, что может, и деревни выступили на путь хронического недоедания; а при малейших недочетах в атмосферных условиях, отрицательно влияющих на урожай, сельскому населению грозит продовольственная, по временам крайняя и острая нужда, а его скоту — падеж.

Эта перемена в ролях города и деревни совпала по времени с переменой

²¹ Так, например, по сведениям губернск. статист. комитета о неурожае минувшего года в Одесском уезде, «запасов соломы в Приднестровьи и в волостях Беляевской, Куртовской и Ильинской совсем не имеется вследствие отсутствия частновладельческих экономий». Од. Лист. № 209-й.

²² В 40-х годах минувшего века в печати появились статьи такого рода: «О жалобах на обильные урожай хлеба». См. Журнал Мин Гос. Имущ. 1844 г. ч. XI.

взгляда на хлебное производство, которую Гальяни, экономист XVII века²³, выразил таким образом: «прежде на хлеб смотрели, как па предмет, подлежащий управлению, теперь же из него сделали исключительно предмет торговли». Недостатка хлеба вообще в стране не ощущается даже в самые неурожайные годы. Его ощущает только один класс населения — земледельцы, производящие хлеб, потому что они вынуждены продавать все, кроме небольшого запаса для существования до нового урожая, а иногда и этот последний. И если надежды на новый урожай не оправдались, они остаются на мели. Страдают даже те, кто имеет деньги, так как в неурожайные годы дороговизна кормов и зерна в деревнях достигает 300 — 400 % нормальной цены. Это — вследствие общеизвестного закона: наибольшей дороговизны продукты достигают в районе, усиленно их вывозящем.

Эта дороговизна деревенских продуктов в деревне позднейший итог вовлечения ее в оживленный торговый обмен по всем статьям деревенского хозяйства. Оказывается, сельские продукты ценятся теперь дороже в деревнях нежели в городах. Яйца, масло, хлеб, сметана, курица, гусь, овощи — все это легко и дешево можно приобрести в городах или на крупных базарах. В деревнях вы, или совсем не отыщете этих продуктов, или вам уступят их в виде одолжения за внушительную цену, как редкость.

На местах производства находится на лицо лишь то количество продуктов, которое служит для необходимого собственного потребления, все остальное продается. А так как крестьяне из нужды отказывают себе в употреблении масла, яиц, птиц, стараясь сбыть эти продукты на рынке или профессиональному скупщику, чтобы не прогадать в цене, то все это массами извлекается из деревень. В иное время ни за какие деньги нельзя найти в деревне ни яиц, ни масла, ни сметаны, ни овощей. А весной не отыскать и хлеба. В 1901 году вывоз яиц из России достиг 2-х миллиардов штук на сумму в 35 миллионов рублей. Десять лет перед тем он составлял всего 360 миллионов штук. Теперь, следовательно, из всех русских деревень каждый день вывозится около 6.000.000 яиц²⁴. Все, что

²³ Автор «Dialoguest sur le commerce des bles», 1770 г.

²⁴ Для сравнения приводим ценность первостепенных продуктов вывоза за тот же 1901 год: пшеницы вывезено на 122 миллиона рублей ржи — 56 мил. руб., ячменя 48 мил. руб., кукурузы — 17 мил. руб., яиц — 35 мил., руб. «Обзор внешней торговли» Министерства Финансов за указанный год. Значительных

можно продать, обменивается на деньги. В иных деревнях нельзя достать другого молока, кроме снятого, а в иных — никакого. Под давлением этих требований рынка находятся ныне даже самые захолустные деревни.

Распродает свои продукты деревня, понятно, под влиянием необходимости. Товарное производство, заставляя деревню принаравливать все свое производство к потребностям рынка, вводит в склад хозяйственной жизни такие пертурбации, которые бедного и некультурного земледельца окончательно добивают, отдавая его хозяйство на произвол стихий. Товарное производство вызывает всегда специализацию районов в производстве того или другого продукта в согласии с естественными и экономическими условиями района, и хозяин вынужден производить то, что производит его район. На юге таковой специальностью является зерно; у нас выгоднее купить картофель, привозимый из Польских губерний, нежели самому возделывать его. Ситцевую рубашку купить выгоднее, нежели производить лен, трепать его и ткать полотно. И земледелец вынужден производить зерно, одно зерно, и след., распродавать его, чтобы приобрести другие продукты и вещи, необходимые в его обиходе. Распродажа-же продуктов его домашнего хозяйства — яйца, птицы и пр., вызывается его обеднением, которое всегда сопровождается усиленным зерновое производство.

Распределением продуктов современного сельско-хозяйственного производства заведует рынок, он командует, направляя его в ту или другую сторону. Рынок стал регулятором сельского хозяйства, и, следовательно, агрономического (технического) воздействия на землю. Таким образом, необходимо признать, что на изменение или введение той или другой системы полеводства ныне оказывает решающее влияние — рынок.

В пределах известной местности товарное производство действует совершенно также, как естественный прирост населения: оно уменьшает емкость территории, и след., вызывает изменения в способе техники производства. На вывоз можно смотреть двояко: положим, мы вывозим свой хлеб для продовольствия населения Лондона, это все равно, что тоже количество людей ввезено к нам и сдано на прокормление теми-же продуктами по определенной, всемирно устанавливаемой, цене. Таким

размеров достиг вывоз даже женского волоса: деревенские бабы пускают в оборот последнее достояние свое.

образом, по существу, товарное производство повышает емкость территории вообще, что общепринято в экономической науке. Но для туземного населения, емкость вывозящей территории, так сказать «туземная емкость», уменьшается, ибо она прокармливает иноземное население. Иногда, вследствие усиленного вывоза, сравнительно редконаселенная местность может проявлять все признаки перенаселенности и вызывать даже эмиграцию. Так, эмиграция из Херсонской губерний, первые признаки которой появились все в ту-же критическую эпоху восьмидесятых годов, вызвана исключительно насыщением «туземной емкости».

Эта искусственная скученность населения находится в тесной связи с условиями землевладения. Несмотря на пустынную, на огромная пространства ненаселенных местностей, при наличности в стране крупной формы землевладения страна может проявлять все симптомы перенаселенности. Поэтому, у нас поднят вопрос о необходимости не столько переселения, сколько расселения земледельцев по туземной территории. В истории земледелия, условия землевладения играли крупную роль, давая искусственный перевес то пастбищному хозяйству, то пахотному. В то время как в Ирландии, благодаря высоким ценам на продукты животноводства (т.е. рыночному преимуществу последнего перед хлебопашеством, животное население теснит человеческое и земледельцы изгоняют с земель лэнд-лордов, в это время у нас на юге человеческое население теснит животное, и скот изгоняется с земель крупных владельцев (сокращение овцеводства), дабы усилить зерновое производство, так как здесь хлебопашество стало ныне выгоднее скотоводства²⁵. И в том и другом случае разцвету товарного производства определенной отрасли сельского хозяйства способствовала

²⁵ За последние два века в Ирландии дважды изменялась система хозяйства. В первой половине XVIII века скотоводство в Ирландии, по наследству XVII века, было так развито, что по словам путешественника того времени «страна казалась покинутой людьми и населенной овцами». Во второй половине, с падением цен на продукты животноводства и одновременным подъемом цен на продукты земледелия, стал совершаться переход к хлебопашеству и вообще пахотному хозяйству. Население страны возросло. К половине XIX века цены на произведения от земли пали, а на рынке поднимался спрос на животноводственные продукты: земледельцы стали изгоняться, в особенности после голода 1846—7 г., и поля превращались в пастбища. Все это возможно в странах, где господствует арендная система землепользования.

крупная форма землевладения.

В конечном итоге товарное производство и современные условия землевладения действуют двояко на естественный темп хозяйственного развития: они то ускоряют его, обостряя аграрные отношения, то замедляют его, после свершившагося перелома. Как ускорение, так и замедление могут тянуться веками...

Вот это усиленное товарное производство зерна и является обстоятельством, тяжело отягощающим переход наших хозяйств к новым совершенным системам полеводства, которые могли-бы ослабить губительные действия стихий. Колоссальный вывоз хлебов совершенно парализует всякое участие, которое стремится проявить земледелец — в происходящей борьбе пашни с кормовой площадью — в пользу последней. Каждый шаг в этом направлении разбивается о необходимость вывоза и, след., сохранения зерновой площади в ущерб прочности и стойкости хозяйств.

Значение этого фактора в развитии систем полеводства и предстоящем агрономическом перевороте наших хозяйств выступит ясно на фоне картины тех путей, которыми Западная Европа блестящим образом вышла из аналогичных затруднений.

Для нас крайне важно знать не только то, к какой системе перешла Зап. Европа, но и то, какими именно путями и облегчающими мерами она осуществила этот громоздкий переход, к сложной новой системе. Изменение системы полеводства в таком огромном масштабе, как народное хозяйство, не может произойти без предварительной подготовки, а иногда и радикального переустройства всего механизма общеэкономической жизни.

Нам необходимо знать это еще и потому, что 3. Европа совершила этот переворот, в сущности, опираясь на нас, возложив всю тяжесть его на наши плечи. С этим и приходится нам теперь считаться.

VI

Когда перед сельским хозяйством Западной Европы в XVIII веке предстал во всей своей грозной значительности вопрос о переходе к новой системе полеводства для увеличения кормовой площади и уменьшения зла утрированного зернового производства, Западная Европа решила эту сложную агрономическую проблему перехода тремя

(главными) путями, почти одновременными. Пути эти были следующие:

1. Беднейшему населению, которое при усиленной зерновой системе достигает всегда значительного количества, было облегчено переселение в другие слабонаселенные страны. Бедность населения всегда является одним из тормозов при переходе хозяйств к новым системам земледелия. У нас действует противоположный порядок, и переселение предоставляется обыкновенно лишь состоятельным хозяевам. Остаются маломощные хозяева, которым не под силу совершить переход к новой системе. Таким образом 3. Европа разредела несколько свою сельскохозяйственную территорию. Оставшемуся населению облегчили переход путем широкого распространения мелкого сельскохозяйственного кредита и соединения хозяев в союзы и товарищества. В Германии, например, крестьянские земледельческие союзы, товарищества, общества и пр. составляют одно из жизненных проявлений хозяйственной деятельности населения.

2. Так как переход к новой системе требовал сокращения интенсивности зернового производства, то Европа для пополнения недостающего количества зерна стала ввозить к себе его из стран слабонаселенных обладавших естественно-плодородными не истощенными почвами. То есть 3. Европа произвела необходимое для нее расширение зернового производства не у себя, а в других странах, платя за это продуктами своей фабричной и заводской промышленности. Это в огромной степени повысило продовольственную емкость ее территории и способствовало еще более грандиозному росту ее городов и промышленности, так как продовольствие всего 3.-европейского населения было обеспечено такими плодородными странами, как Россия, Америка и др. Ввоз зерна позволил 3. Европе возстановить у себя на полях гармоническое сочетание хлебопашества и скотоводства и поставить вообще сельское хозяйство на ту ступень совершенства, на которой оно там находится ныне. Россия кормит своим хлебом две трети населения Германии, четвертую часть населения Англии и меньше одной пятой населения Голландии, Франции, Бельгии, Италии. В Европу ввозят хлеб кроме России, еще Америка, Британская Ост-Индия и Австралия. Вследствие этого в западно-европейских странах почти не замечается прироста пахотной земли, а местами оно сокращается. В распределении культур на посевной площади также отмечается приблизительное постоянство под зерновыми культурами на протяжении последних четырех десятилетий, в течение которых

Россия, а в особенно Новороссия, почти удвоила площадь под культурой зерна.

3. Ослабив таким образом натиск зернового производства и надолго обеспечив удовлетворение будущих потребностей населения в зерне путем ввоза²⁶, Западная Европа тем самым восстановила некоторое равновесие угодий и поставила свое скотоводство в нормальные условия. Но необходимо было обеспечить будущия потребности и скотоводства, так как неизбежный рост кормовой потребности мог нарушить это равновесие, тесня оставшуюся необходимую продовольственную площадь. Надлежало борьбу угодий поставить в известные рамки. Тогда З. Европа решила и корма ввозить к себе для своих животных, как она ввозила зерно для населения. Пользуясь финансовыми и экономическими условиями (точнее — затруднениями) некоторых стран, она стала усиленно извлекать от них массу кормовых средств для содержания своего животноводства. Понятно, извлекались наиболее ценные, наиболее питательные кормовые продукты, именно: отруби, жмыхи — конопляные, льняные, подсолнечные, пальмовые, хлопчатниковые, кормовыя зерна разного рода и т. п. Дело это развивается на наших глазах и развивается чрезвычайно быстро. Страдающая роль и в этом деле выпала на долю России, поставленной в необходимость вывозит без устали, вывозит все, на что только есть спрос. Так, рост вывоза этих драгоценных кормов из России (преимущественно в Германию), шел следующими гигантскими шагами.

Таблица XI²⁷.

²⁶ Насколько, напр., Германия предусмотрительна на счет будущего в деле снабжения себя зерном, показывает недавняя специальная командировка германским правительством, Руланда в Россию, Сибирь и Америку, для решения вопроса о том, как долго эти страны могут по дешевой цене снабжать Германию хлебом. В недалеком будущем цены на хлеб в этих странах будут, по его мнению, высоки для вывоза (особенно в Америке). В Германии рассчитывают на подвоз из Австралии (1. Конрад. «Положение сел.-хозяйств. пошлин в предстоящих торговых договорах Германии 1903 г.). Руланд, повидимому, не принял во внимание наших хозяйственных условий, вынуждающих нас продавать хлеб даже в ущерб собственному продовольствию. О повышении цен при таких обстоятельствах и думать нечего.

²⁷ Данные взяты из «Обзора внешней торговли по европейской и азиатской

Вывезено жмыхов:

В 1871 году	700.000 пудов ценностью в	—	руб.
1884	5.898.000	5.968.000	»
1894	15.389.000	11.535.000	
1901	23.561.000	16.745.000	

Вывезено отрубей:

В 1884 году	5.344.000 пудов ценностью в	2.865.000	руб.
1894	21.625.000	10.040.000	»
1901	32.000.000	16.410.000	

Итого жмыхов и отрубей за 1901 год продано нами немцам 55.561.000 пудов на сумму в 33.155.000 руб. В Англии, как известно, русским сахаром откармливали свиней.

Благодаря значительному импорту кормовых средств высшего достоинства 3. Европа и может откармливать современных мясных гигантов, которые поражают нас своими размерами. Кроме увеличения живого веса своих животных, 3.-европейския страны увеличивают и абсолютное число голов. Напр., в Германии количество крупного рогатого скота, который идет у нас на юге на убыль, возросло в 1897 году против 1872 года на 17,9 %, а численность свиней за тот-же период достигла колоссального процента —100,7%. Во Франции количество крупного рогатого скота в 1892 году увеличилось на 17,0 %, а свиней на 51,1%. Сверх того, 3. Европа ввозит в свои пределы значительное количество, как скота, живого и убойного, так и различных произведений животноводства, пополняя и этим способом свои потребности в животных и продуктах от них.

4. Основанием дружной общественной работы в деле нового устройства всего сельско-хозяйственного строя явилось широкое развитие массового сознания. Этого требует характер современных хозяйственных мер и современная техника: они грандиозны и значительны, находятся в близкой непосредственной зависимости от других обширных проявлений экономической жизни страны, от оживленных сношений и перемещений населения, от широкого доступа к массам научных знаний и проч., что требует прежде всего наличности развитого сознания в массах, этого сильнейшего и деятельнейшаго фактора современной хозяйственной жизни. Это всецело относится к области условий общественной жизни в

стране, облегчением которых в сторону широкой самостоятельности и свободы, можно облегчить наименее существенным образом бремя хозяйственного положения. Благодаря только этому, 3. Европа избежала страшного голода, который мог бы свирепствовать в ней в 1891 году.

Подведем итоги.

Основная проблема нашего угнетенного сельского хозяйства состоит в устранении или смягчении коллизии сельскохозяйственных отраслей — животноводства и хлебопашества, корни которой теряются в области био-социологической.

Техническая часть этой проблемы сводится к увеличению кормовой площади без ущерба зерновому производству.

Вред от распашки современной площади заключается во-первых — в истощении почв без возобновления плодородия пахотного слоя и в высыхании степей, что влечет частоту неурожаев; во-вторых — в сокращении скотоводства, след., уменьшении капитала земледельца, что влечет дурную обработку полей, а потому — и недород. Оба эти явления находятся в связи с обнищанием земледельческого класса.

А вследствие этого обнищания он неспособен перейти к более совершенной технике и улучшенным системам полеводства, требующим готового капитала и наличности запасов.

Получается нечто вроде западни, в которой бьется земледелец. Особенно плохо ему в местностях, где население вынуждено добывать себе средства к существованию исключительно земледельческим трудом, так как вне земледельческие заработки, скрашивая сельскохозяйственное разорение, обыкновенно играют значительную подсобную роль при переходе к новым системам хозяйства.

Как меру, могущую компенсировать усиленную распашку полей и пополнить недостаток в кормах для скота, принято рекомендовать травосеяние. Мы видели, что мера эта при современных размерах и современной интенсивности зернового экспорта не осуществима. Она не может изменить систему полеводства в массовом размере. Переход к новой системе возможен лишь при наличности запаса средств у населения. К созданию запаса в виде зерна, кормов и пр. должны быть направлены в первую очередь меры по введению новой системы полеводства. И тогда, с изменением хозяйственного и общественного

стройка, определяющего нынешнюю систему полеводства, травосеяние, где это необходимо, само собой привьется в новых условиях.

Это вытекает из приведенных нами в табл. XI данных. Несмотря на осязательный и признанный недостаток кормов в России, наш скот лишается в огромном количестве и тех кормов, какие существуют, и вывоз их прогрессивно растет. Чтобы сообразит потери, которые несет русский скот с вывозом этих кормов, следует помнить, что питательный эффект жмыхов, а следовательно, и ценность их, втрое больше ржи²⁸. А мы остаемся при соломе. Бабы в деревне мечутся, чтобы раздобыть для своих коров хоть горсточку отрубей, и, раздобыв, отмеривают порций аптекарскими дозами. А мы вывозим жмыхов и отрубей столько, что при расчете на всю Европейскую Россию на каждую корову пришлось бы этого корма по несколько пудов.

Нет никакой гарантии в том, что и продукты нашего травосеяния, если бы только на них явился спрос, не последовали бы за отрубями и жмыхами, минуя наш бедный скот. И, может быть, мы увидим еще экспорт прессованного сена, или столь горячо рекомендуемой люцерны...

Обеспечение местного земледельческого населения скотом, а следов. и кормовой площадью, теснейшими узами связано с интересами крупновладельческих собственников. Огромный процент земель последней категории эксплуатируется именно средствами этого населения путем сдачи полевых угодий в ежегодную съемку — непосредственно или посредством долгосрочных арендаторов.

²⁸ Ржи в 1901 г. вывезено на 56 мил. руб., а жмыхов и отрубей на 55 мил. руб. — Еще в 1895 г., когда вывоз этих кормов составлял всего лишь половину современного, покойный Армфельд, знаток нашего скотоводства, горько восклицал в своих статьях по поводу этого вывоза: «Не стыд? Не позор ли это?» — У нас до сих пор все таки не оценивают в должной мере печального значения для русского скотоводства этого вывоза. Так от 31 августа прошл. г. (Од. Нов. № 6407) телеграмма из С.-Пб. сообщала о том, что по данным агента русского министерства финансов в Берлине, Голубева, следует ожидать, что Германия обратится к России за пополнением недостающих для скота кормов. «Нужно заметить, что обстоятельства складываются чрезвычайно благоприятно для русского экспорта», радуется Торг. Промышл. Газета: «и задачей его являются, таким образом лишь согласныя и умелыя действия...» по извлечению кормов из России, где и без того скот недоедает, вырабатывая из себя необыкновенную тасканскую породу.

Оскудение скотоводства в хозяйствах крестьянских и десятишницких крайне поэтому невыгодно для землевладельцев. Падение скотоводства уменьшает хозяйственную силу съемщиков, а последняя является исключительной гарантией для владельцев в выполнении съемщиками своих обязательств. Кроме того, недостаток скота значительно понижает качество обработки полей и успешность других сельскохозяйственных работ. Таким образом, устанавливается непосредственная зависимость между хозяйственным благополучием крупного землевладения нашего края и состоянием скотоводства в массе мелких хозяйств.

Нам нет надобности коренным образом разрешать сложный общий вопрос о борьбе животноводства и хлебопашества. Это дело отдаленного будущего. Разрешение основных противоречий обошла и Европа, взглянув на дело практически и возложив поэтому все тернии этой борьбы на наши плечи. Реальным средством Европы был ввоз.

В наших условиях весь узел практического вопроса о гармоническом сочетании на наших полях зерновой и кормовой площади, от которого зависят наши урожаи, следует свести на тот же практический путь.

Ввоз нам не нужен, но с вывозом нам следовало бы поступить более расчетливо, более «хозяйственно». Вывоз кормов и зерна мы, в виду огромной нашей внешней задолженности, сократить не можем. Но мы можем свалить, по примеру Европы, этот вывоз с наших выпаханых полей на огромные пустующие, пригодные для культуры зерна, области, занимающие в пределах нашего государства размеры весьма почтенные.²⁹ Возделывание этих девственных пространств естественно предоставить переселенцам, составленным из обедневших наших земледельцев в густо населенных районах нашей страны. Систематическое и дельно оборудованное переселение, с проведением в новые области железных дорог должно принести государству значительные выгоды. Льготы по доставке, а главное помощь при устройстве, переселенцы оплатят — грандиозным вывозом. С другой стороны, своим уходом они облегчат оказание помощи оставшемуся населению.

Чтобы это облегчение было использовано этой частью населения,

²⁹ В фонд этих земель должны войти как земли государственные, так и частновладельческие, занимающая у нас размеры в иных местностях прямо колоссальные.

а не разсеялось на пол дороге, необходимо одновременно осуществление мер для содействия земледельцам пережить ломку хозяйств в предстоящем неизбежном агрономическом переломе при отсутствии у них всяких запасов. Необходимо создать условия, при которых население могло-бы производить накопление запасных хозяйственных средств. Наши продовольственные затруднения, голодовки и падеж скота происходят не столько от неурожаев, которые неизбежны, сколько от низкого уровня урожаев и полной необеспеченности населения. Положение наших земледельцев вынуждает их возвращаться к первобытному состоянию дикарей, живущих только сегодняшним днем.

Меры эти все, как известно, клонятся к отвлечению части общих государственных средств на местные нужды. Организация этих мер должна покоиться на началах, которые обеспечивали бы жизненное и плодотворное применение их, а не формальное, мертвое существование, т. е. при участии организованных общественных сил. При этих условиях возможно ожидать сокращение экспорта и поднятие убыточных цен на сельско-хозяйственные продукты.

Второй группой мер должны явиться меры по упорядочению арендных отношений в стране. Главное зло их в русских условиях заключается не столько в высокой плате, сколько в их неустойчивости, в распространении субаренды (посредников) и особой эксплуатации населения путем нажимов, ничего не имеющих общего с собственно возделыванием земли (стеснение водопоев, проезда, прогона, потравы и пр., пр.). Необходимо конструировать законодательным путем арендное право.

Третьей группой мер является ряд просветительных общекультурных воздействий, так как развитие массового сознания только и служит гарантией полезного действия, оказываемого новой системой полеводства, при массовом переходе хозяйств к ней.

Ведение интенсивного хозяйства требует и интенсивной работы сознания. Необходимы оживленные сношения с рынком, распространение в деревнях общей и специальной прессы, доступ науки в деревню и пр., пр., пр. Интенсивное хозяйство и современное невежество деревни с висящем над ней административным гнетом — вещи несовместимы.

При уклонении от этих широких средств и увлечении частичными мерами о роде травосеяния, нам грозит обострение борьбы угодий, — мы завязнем в неурожаях, как в болоте, мы будем обречены

на дальнейшее обеднение и дальнейшее увеличение вывоза, которое вновь усугубит обеднение, а это последнее усилит вывоз (распашку полей и пр.) и т. д., и т. д. И если появится за границей спрос, в конце концов, на наши черноземные почвы, то, вероятно, мы начнем экспортировать и наш чернозем. А потом останется только сесть в вагон и экспортировать самих себя....

Распределение угодий по годам

Херсонская губерния

<i>Годы</i>	<i>Пахот. Продовольств. Площ.</i>	<i>Сенокос</i>	<i>Выгон, пастбища, усадебн.места</i>	<i>Кормовая площадь</i>
1852 .	. 2,988,684		2,522,463	739,704
1887 .	. 3,032,917		792,474	906,527
1896 .	. 3,635,970		612,000	1,483,948
1900 .	. 3,861,631		399,960	1,298,031

Бессарабская губерния

1852 .	. 1,058,000		1,250,000	<u>652,000</u> Лес 254,000
1870 .	. 1,210,000		1,100,000	<u>593,000</u> л. 288,000

1892 .	. 1,745,000	564,383	<u>665,000</u> л. 250,000
1901 .	. 2,144,851	136,810	<u>694,099</u> л. 237,000

Таврическая губерния

1848 .	. 1,230,000	-	-
1870 .	. 1,483,000	2,800,000	-
1886 .	. 2,050,642	1,500,000	-
1901 .	. 3,474,836	332,400	-

Примечание. Площадь под искусственно разведенными травами причислялась к сенокосу.